

Я тот, кого никто не любит,
 Но все мне курят фимиам.
 Ничто искусства мне законы,
 Свои придумал я взамен,
 Традиций враг неугомонный,
 Актеров бич, гибель сцен —
 Мне нет узды, мне нет препоны,
 Я в полном смысле джентельмен . . .
 Поднимаю протест
 И поход объявил
 Против Малого звезд,
 Против Корша я сам.
 Мой всегдашний девиз:
 Коль иду — сторонись!
 Для меня, для купца
 Нет причудам конца!

Далее в том же тоне рисуется Немирович-Данченко.

Актеры вместе с Станиславским движутся к театру.

- Рецензенты говорят: 1-й: Кто они, куда их гонят?
 И почему весь этот шум?
 2-й: Мельпомены труп хоронит
 Наш московский толстосум.
 1-й мужик: Это кто ж такие будут?
 2-й мужик: Чудак, нешто не видишь, купцы ряженые.
 1-й „ Да разве ноне святки?
 2-й „ Вона, у купца завсегда праздник, потому денег много.
 1-й „ Вот, стало-быть, и забавляются. Так, так.

Эти документы чрезвычайно интересны: за легким налетом либерализма и демократизма чувствуется резкий недружелюбный памфлет по адресу и руководителей, и актеров нового театра, театра - новатора.

В подобных настроениях — вражды одних и страстного желания других увидеть пьесы любимых авторов — Чехова, Горького, Гауптмана, Ибсена надо представлять себе зрительный зал первого спектакля Худ. театра, открывшего свои двери в Каретном ряду.

Итак, наступило 14 октября 1898 года. Один из самых чутких зрителей и друзей этого театра — Н. Е. Эфрос оставил прекрасное описание этого первого спектакля, впечатлений первого зрительного зала:

„Я очень четко помню залу на премьере „Царя Федора“ и до начала спектакля, и после первого действия, в шумном говорливом антракте. Мне запомнились слова одного журналиста: „А ну-ка, посмотрим, как Фердинанд изворачивается!“ Мне кажется, так можно бы изобразить настроение большинства. Ожидание, с уклоном к уверенности, что „не вывернется“, ничего путного не выйдет. И для меня тогда же было несомненно, что если одни ощущают это с болью, то другие, как будто большинство — с некоторым злорадством. Злорадствовал ли обиженный принцип, злорадствовала ли потревоженная косность или просто — распространенная склонность поиронизировать, — не знаю.

Но то настроение, о котором я говорил, ощущалось достаточно отчетливо. И было как-то жутко. Это крепко живет в моем воспоминании...

...Раздался, тяжело шурша, занавес. Медленно задвигались его полотнища вправо и влево. Открылась крышка над домом князя Ивана Шуйского. Небольшие группы бояр в многоцветных одеждах. Прозвучали слова Дарского—Андрея Шуйского: „На это дело крепко надеюсь я“ (в них точно было пророчество в будущей судьбе театра). Первый спектакль Художественного театра начался... Ровно 74 года день в день отделили это начало от начала Малого театра. Это была случайность, на нее обратили внимание много позднее. Но в ней как бы было заключено некое счастливое предзнаменование...

В зрительном зале слегка покашливали, перешептывались, слушали не очень внимательно; глаза бегали по непривычным подробностям сценического убранства. Холодок был упрямый, но прогревался теплом сцены. Да и тепло это было еще совсем малое. Мейерхольд и Дарский, Василий и Андрей Шуйские, говорили как-то подчеркнуто-внятно и в то же время робко, скучновато. Сцена коротенькая; занавес зашуршал, сдвинулся, опять раздвинулся, открыл одну из лучших по исторической стильности и красочной разработанности картин спектакля — золотую цареву палату, показал величавую фигуру Бориса—Вишневого в низко надвинутой червленой мурмолке, чрезвычайно выразительное по плутовству, грузное, лепкое лицо Луп-Клешина—Санина. Отличный грим „репинский“. Стало интересно. И яркий декорационный фон, и отдельные образы персонажей на нем произвели впечатление. В зале „шу-шу“; ухо улавливало в этих перешептываниях какую-то нотку одобрения. Вбежал, запыхавшись немного, Федор—Москвин, сбросил короткую шубу, утирает широкое лицо и шею лиловым шелковым платочком. Царек-мужичок, волосы под скобку, лицо слегка пухлое и изжелта-белое, маленькая, тощенькая, какая-то немощная бородка, глаза тихие, точно недавно плакавшие и немного больные; на слегка подергивающихся губах—виноватая улыбка. Какой-то уловимый знак, предшествовавший слову. Дрогнувшим голосом но так просто, наивно, по-домашнему Федор спросил: „Отчего конь подо мной вздыбился?“ И как балованный мальчик капризно приказал, под сдерживаемые „любующиеся“ улыбки окружающих: „Не давать ему овса, пусть сено есть одно“. Потом такая ласковая нежность залила это простенькое лицо, точно засветилось оно все: „Ну, так и быть, уж я его прощу“. В звучании голоса, немножко сдобного, но не переслащенного, в интонациях была какая-то умиляющая прелесть. Выглянула в них душа, если и нищая, то в евангельском смысле. Я думаю, в эти секунды лед подался, дал первую трещину, пока—еле заметную. Мое внимание было раздвоено: между сценой и этой недоброй зрительной залой. И я подумал: кажется они злорадствовали напрасно...